

УДК 82.01  
ББК 87.82

DOI: 10.31862/1819-463X-2023-3-26-32

## РОЛЬ ФОЛЬКЛОРНЫХ МОТИВОВ В РОМАНЕ А. Н. ВАРЛАМОВА «ДУША МОЯ ПАВЕЛ»

А. А. Матевосян

**Аннотация.** Цель данного исследования – проанализировать влияние фольклорных мотивов на сюжет и структуру романа А. Н. Варламова «Душа моя Павел». В статье рассматривается роман А. Н. Варламова «Душа моя Павел», в ходе анализа которого определяются роль и функции фольклорных мотивов. Научная новизна исследования обосновывается отсутствием работ, посвященных анализу фольклорных мотивов в современном романе воспитания. В результате исследования было обосновано семантическое и функциональное наполнение мотивного комплекса романа А. Н. Варламова, также выявляется определенная корреляция между мотивным комплексом романа и мотивным комплексом волшебных сказок.

**Ключевые слова:** мотив, фольклор, инициация, роман воспитания, Варламов.

**Для цитирования:** Матевосян А. А. Роль фольклорных мотивов в романе А. Н. Варламова «Душа моя Павел» // Наука и школа. 2023. № 3. С. 26–32. DOI: 10.31862/1819-463X-2023-3-26-32.

---

### THE FOLKLORE MOTIFS ROLE IN A. N. VARLAMOV'S NOVEL “MY SOUL PAUL”

А. А. Matevosyan

**Abstract.** The aim of this study is to analyze the influence of folklore motifs on the plot and structure of A. Varlamov's novel „My Soul Paul”, in the analysis of which the role and functions of folklore motifs are determined. The academic novelty of the study is substantiated by the lack of works devoted to the analysis of folklore motifs in the modern Russian Bildungsroman. As a result of the study, the semantic and functional filling of the motif complex of A. Varlamov's novel is explained, a certain correlation

© Матевосян А. А., 2023



Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License  
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

*between the motif complex of the novel and the motif complex of fairy tales is also revealed.*

**Keywords:** *motif, folklore, rite of passage, Bildungsroman, Varlamov.*

**Cite as:** Matevosyan A. A. The folklore motifs role in A. N. Varlamov's novel "My soul Paul". *Nauka i shkola*. 2023, No. 3, pp. 26–32. DOI: 10.31862/1819-463X-2023-3-26-32.

В центре внимания данной статьи лежит недавний роман современного писателя, ректора Литинститута, А. Н. Варламова – «Душа моя Павел». Роман повествует о наивном и мечтательном юноше, Павле Непомилуеве. Главный герой романа – идейный комсомолец, выходец из закрытого секретного города, чудом поступает в МГУ, но вместо учебы сначала отправляется «на картошку». Сам автор определяет жанр данного произведения как «роман взросления, роман воспитания». Проблема данного исследования заключается в изучении роли и функций фольклорных мотивов в структуре романа воспитания, а также в анализе особой связи данного жанра с фольклорной традицией вообще и фольклорными мотивами в частности. Роман воспитания на содержательном уровне транслирует определенные культурные ценности и нормы социального поведения. Как замечает А. Н. Садриева, повествовательный пласт романа воспитания, как правило, включает в себя различные мифологемы и фольклорные мотивы, данный жанр актуализирует архетип инициального обряда, реализующего функции социализации в культурах традиционного общества [1, с. 82].

В связи с тем, что семантическим ядром нашего исследования является изучение фольклорных мотивов, важно обратиться к работам, посвященным изучению данного феномена для определения роли и функций мотивного комплекса в структуре художественного текста.

Так, А. Н. Веселовский определяет мотив как «простейшую повествова-

тельную единицу, образно ответившую на разные запросы первобытного ума или бытового наблюдения» [2, с. 500]. Из данного определения можно сделать вывод, что сходства структурного и содержательного характера в фольклорных текстах разных народов объясняются единым основополагающим мотивным фондом.

О. М. Фрейденберг в своем исследовании обращает внимание на неразрывную связь между мотивом и содержательным наполнением персонажа в контексте мифологических сюжетов: «В сущности, говоря о персонаже, тем самым пришлось говорить и о мотивах, которые в нем получали стабилизацию; вся морфология персонажа представляет собой морфологию сюжетных мотивов» [3, с. 221–222]. О. М. Фрейденберг делает вывод, согласно которому значимость персонажа, выраженная в его метафорическом наполнении, раскрывается в образующее мотив действие, то есть действия героя в произведении полностью коррелируют с его семантическим наполнением [3, с. 223].

В. Я. Пропп в работе «Морфология сказки» уделяет особое внимание функциональному наполнению мотива. Оспаривая идеи А. Н. Веселовского с позиций структурализма, В. Я. Пропп с особой важностью подчеркивает разложимость мотива на составляющие с возможностью их различных вариаций. Функции мотива в «Морфологии сказки» распределяются в первую очередь по типам персонажей (герой, ложный герой, отправитель, даритель, волшебный

помощник, вредитель, искомый). Можно заключить, что В. Я. Пропп систематизирует мотивы в первую очередь по их функциональному значению для развития дальнейшего действия [4, с. 65–131].

Таким образом, в самом общем виде соотношение мотива и сюжета можно определить как часть и целое – мотив является составным элементом сюжета. Сам же мотив невозможно разложить на компоненты, поскольку целостное его значение существует лишь в полной форме. Е. М. Мелетинский определяет мотив как «микросюжеты, самостоятельные существующие в сюжете» [5, с. 9–62].

С. Ю. Неклюдов, продолжая эту мысль, замечает соотношение мотива и сюжета как части и целого. Исследователь подчеркивает неразрывную связь семантики мотива со «знанием традиции»: внутреннее наполнение мотива всегда шире, чем то, которое заявлено в отдельном тексте. Таким образом, согласно мысли С. Ю. Неклюдова, всестороннее понимание значения отдельного мотива невозможно без его соотношения, во-первых, с картиной мира отдельной национальной культуры и, во-вторых, с совокупностью общемировых сюжетно-мотивных проявлений [6, с. 236–247].

Последователь формальной школы Б. В. Томашевский в свою очередь определяет мотив через понятие темы. Тема, по мысли Б. В. Томашевского, суммирует и объединяет в себе все произведение. Однако же в ходе анализа возможно вычленивать темы отдельных фрагментов и частей произведения. Таким образом, Б. В. Томашевский заключает: «Каждое предложение обладает своим мотивом» [7, с. 136–137]. Мотив в работах Б. В. Томашевского отождествляется с ведущей темой всего произведения, так как сюжет и фабульная структура выявляются в мотивном комплексе произведения.

В. Е. Хализев писал о повышенной «семантической насыщенности» мотива как структурно-содержательного компонента произведения: мотив, в понимании

исследователя, является основой для формирования темы и идеи произведения, но не отождествляется с ними. В. Е. Хализев полагал, что мотивный комплекс произведения, являясь в тексте в «неполном и загадочном» виде, придает определенный пафос произведению и воспроизводится из совокупности различных звеньев произведения [8, с. 277].

Можно заключить, что через обнаружение и вычленение отдельных мотивов из целого ряда выявляется типологическое сходство произведений мировой литературы, что в свою очередь позволяет провести их системный анализ. В читательском восприятии непроизвольно воспроизводятся эмоциональные наполнения, заложенные автором в мотивном комплексе произведения. Двудеиная природа мотива позволяет ему одновременно представлять и художественный текст, и мир реальности – метафорической, авторской и читательской.

Поскольку фольклорная основа является важной содержательной характеристикой романа воспитания, следует уделить внимание особенностям данного жанра. Жанр романа воспитания, возникнув в немецкой литературе эпохи Просвещения, всецело сосредотачивает свое внимание на проблемах морального, социального, нравственного и психологического формирования личности. Как правило, сюжетное ядро романа воспитания формируется на истории жизни и становления одного героя. Важнейшей отличительной чертой данного жанра является обретение героем собственной личности и индивидуальности, а также формирование ценностей [1, с. 24].

Рассуждая о жанровой природе романа воспитания, М. М. Бахтин называет данный жанр «продуктом переходных эпох» [9, с. 142]. По мысли исследователя, роман воспитания изображает историческое становление мира в переломные периоды истории на примере развития и становления одного конкретного человека: смена мировых устоев требует и изменение человека.

Поскольку основной целью романа воспитания является демонстрация процесса формирования личности и характера героя, а также поиск им путей к гармонии с собой, важно отметить единство сюжетной и композиционной структуры, а также мотивный и образный комплексы различных произведений данного жанра. Как правило, сюжет романа воспитания обязательно затронет детские (юношеские) годы, после чего перейдет к периоду зрелости героя. Повествование зачастую ведется от первого лица (либо в форме дневниковых записей героя), за счет чего достигается достоверность как изображаемых внешних событий, так и внутренних размышлений героя и его отношения к происходящему. Мотивный комплекс романа воспитания по своему наполнению близок к мотивам, присутствующим в волшебной сказке, описанным в работах В. Я. Проппа, поскольку роман воспитания зачастую строится на древнем сюжете о нелегком испытании, преодоление которого приближает героя к обретению и подтверждению своего статуса, а также знаменует последующую социальную и психологическую инициацию.

Таким образом, рассматривая фабульную структуру и содержательное наполнение жанра роман воспитания, следует говорить об основных мотивах сюжетообразующего характера, таких как: мотив испытания, заколдованности, самоидентификации, инициации, обмана, утраты невинности, спасения, чудесного перерождения, расколдованности и обретения возлюбленной [4, с. 82], генетически восходящих к фольклору.

Так, герой романа А. Н. Варламова «Душа моя Павел», совершая опасное путешествие в неизвестность, случайно попадает в лабиринт собственного духовного мира или, по определению Дж. Кэмпбелла, «в страну символических образов» [10, с. 86]. Осиротев и переехав из закрытого секретного города в Москву, Павел разрывает все связи с прошлой жизнью и буквально попадает в про странство последующего испытания.

Данную стадию становления героя корректно назвать периодом пути, в процессе которого происходит преодоление инфантильности через рефлексивное восприятие прошлого героя под воздействием возникающих трудностей. Можно заключить, что сюжет произведения открывается мотивом испытания: инфантильный и малообразованный юноша Павел Непомилуев ожидает в очереди, чтобы забрать свои документы из приемной комиссии филфака МГУ – он провалил вступительные испытания, но проницательная Муза Георгиевна, декан филфака МГУ, дала герою второй шанс, и в результате апелляции он поступил. Однако на этом мотив испытания не завершается: первый курс Павлика Непомилуева начинается с отбытия на картошку, где ему необходимо проявить себя, чтобы в дальнейшем пройти инициацию. Как и в фольклорных произведениях, при помощи мотива испытания проверяется психологическая готовность героя к инициации. Таким образом, А. Н. Варламов в своем романе воспитания использует фольклорные источники для воспроизведения фабульной структуры мотива инициации.

Косвенно в начале испытания также можно обнаружить мотив волшебного помощника (одновременно – волшебного дара): в случае Павла Непомилуева этим помощником и даром был блокнот, подаренный Музой Георгиевной, в который герой должен был записывать все новые и незнакомые слова, чтобы побороть собственную малообразованность. Также функции волшебного помощника может выполнять Николай Кузьмич Суц, секретарь парткома и преподаватель истории КПСС. Случайным образом Суц принимает участие в крещении Павла и становится его крестным. И по этой причине в финале романа спасает героя от отчисления из университета. Как и в сказках, волшебный помощник и волшебный дар связаны с героем крепкими отношениями дарообмена: оказывая услугу герою, дарители получают «отдарок». Так, например, при помощи

блокнота Павел приобщается к филологии и студенческой жизни и в финале произведения более осознанно подходит к обучению в университете, чем оправдывает решение Музы Георгиевны о фальсификации результатов вступительных испытаний Павла для его поступления.

Мотив заколдованности проявляется в сюжете в описании внешности героя: с самого начала произведения автор делает акцент на обильности прыщей на лице Павлуши: «...с обильными прыщами на пухлом беззаботном лице...» [11, с. 7]. Данная деталь внешности особенно выделяет героя на фоне остальных – для кого-то прыщи героя становятся причиной насмешек, для кого-то важной индивидуальной особенностью. Героиня Бабал так ее характеризует: «Да эти прыщички заветные – это ж защита его была. Как ладанка родительская иль оберег...» [11, с. 162].

Данный мотив на сюжетном уровне отделяет главного героя от других студентов и таким образом усложняет построение коммуникации с ними. Подобная заколдованность является еще одной преградой, преодоление которой приведет героя к полноценной инициации и дальнейшему приобщению к студенческой жизни.

Мотив самоидентификации находит воплощение в бесконечных спорах Павлуши с другими студентами. Постепенно герой корректирует свои инфантильные взгляды и допускает критический взгляд на свое мировоззрение. «Что плохого сделала вам моя страна?» [11, с. 59] – спрашивал Павел товарищей, даже не догадываясь, что его драгоценная советская власть в принципе способна навредить своим гражданам. Однако герой ошибался и в итоге сам признается: «А у меня ведь, дядь Леш, так получается, что страна моя родителей отняла. Сначала маму, потом отца. И если я буду знать, что они напрасно погибли, если все вокруг – гниль, труха и ничего не осталось, я же сам, дядь Леш, мстить начну, а это страшней всего будет» [11, с. 120].

Самоидентификация на идейно-тематическом уровне выполняет дидактическую функцию как героя, так и читателя. Данный мотив является еще одной ступенью на пути к инициации Павла.

Функциональная реализация мотива инициации в романе воспитания заключается в последовательном обретении героем своего места в жизни через преодоление испытаний и трудностей. Основным показателем успешной инициации, таким образом, будет качественное изменение героя и его духовное перерождение. Так, современный роман воспитания, используя традиционные приемы мотивного комплекса инициации, строит сюжет на основе мифологических мотивов и архетипов.

Мотив инициации в романе «Душа моя Павел», согласно одноименному названию главы, начинается с момента назначения Павлуши бригадиром. Сезон осенних затяжных дождей расслабляет трудовой коллектив, и постепенно студенты злоупотребляют водкой, на чем их и ловит комиссар студотряда Семибратский. После чего Павел берет ситуацию в свои руки и получает повышение до бригадира. В дальнейшем повествовании данный мотив развивается параллельно мотивам обмана, утраты невинности, расколдованности и чудесного перерождения, после чего завершается, открывая новый цикл испытаний и инициаций для героя.

В результате инициации происходит радикальное изменение как личности главного героя, так порой и его статуса в обществе: герой находит свое предназначение и место в жизни. На идейно-тематическом уровне инициация является вторым рождением индивида – событием, которое приобщает его к осознанному участию в общественной жизни. Так, например, Павел, выйдя из бессознательного состояния после приворота, буквально проходит через второе рождение.

Мотив обмана воплощается в неудачной попытке приворота героя, так как

героиня Люда именно обманом опоила Павлика, в результате чего Павел познает таинство сексуального, что приближает героя к инициации и является воплощением мотива утраты невинности, но в то же время реализует мотив расколдованности, поскольку именно через потерю невинности герой в дальнейшем избавляется от прыщей.

Однако в результате приворота Павел заболевает и в полубессознательном состоянии проходит обряд крещения, в котором, как замечает исследователь Я. В. Солдаткина, обнаруживается мотив воды и смерти с последующим перерождением [12, с. 16]. После крещения герой заболевает физически и, теряя сознание, переходит в символическое пространство загробного мира на духовном уровне, преодолев которое возвращается к жизни – новой и, наконец, студенческой, что представляет собой мотив чудесного спасения и последующий мотив перерождения. Таким образом, мотив инициации в романе «*Душа моя Павел*» в полной степени реализует свою сюжетную функцию лишь после мотивов обмана, утраты невинности, расколдованности, чудесного спасения и перерождения.

Классическим завершением сказочно-го сюжета является мотив награды в конце пути. В случае романа «*Душа моя Павел*» награда эта воплощается в мотиве обретения возлюбленной – в финале романа герой влюбляется в Буратинку, прозванную так Павлом за высокий рост и кудрявые волосы, девушку, с которой встретился мимолетно и наврал ей, что является совхозным механиком: «Павлику сделалось тепло и хорошо, даже если она ждет его лишь потому, что она высокая, и он высокий, и она

может не сутулясь смотреть на него снизу вверх. Кажется, папа, я ошибся с однолюбом, – подумал Павлик, с нежностью глядя на Буратинку. – И похоже, эта девочка, мам, не занята» [11, с. 181].

Финал произведения знаменует очередное начало мотива испытания: новым испытанием для героя будет долгожданная учеба, и пройти его герой должен будет в уже перерожденном виде. Однако об этом читатель может только догадываться. Важно отметить, что открытый финал подчеркивает новый – взрослый – статус героя.

Таким образом, можно заключить, что мотивный комплекс романа воспитания «*Душа моя Павел*» на структурном уровне совпадает с мотивным комплексом, присущим сюжетам волшебных сказок. Герой, начиная свой путь с испытания, постепенно проходит путь самоидентификации и перерождения, чтобы в самом финале пройти инициацию и в новом, перерожденном состоянии начать следующий цикл испытаний и инициаций.

Жанр романа воспитания, вероятно, провоцирует обращение к фольклорным мотивам инициации, но А. Н. Варламов использует множество фольклорных мотивов, присущих именно сказкам, так как автору важно подчеркнуть метафорическую символику романа, в котором наравне с реальными бытовыми фактами (колхоз, картошка) присутствуют также приворот, крещение, попадание на тот свет и т. д., включая близость Павла к сказочным персонажам – своей непосредственностью герой напоминает классического Ивана-дурака. Все перечисленное работает как на атмосферу романа, так и на образное развитие и наполнение характеров персонажей.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Садриева А. Н. Трансформация западноевропейского романа воспитания в культурном контексте современности: дис. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2007. 165 с.
2. Веселовский А. Н. Историческая поэтика / вступ. ст., сост. и примеч. В. М. Жирмунского. Л.: Гослитиздат, 1940.

3. Фрейдберг О. М. Поэтика сюжета и жанра / подготовка текста, справ.-науч. аппарат, пред-варение, послесл. Н. В. Брагинской. М.: Лабиринт, 1997. 448 с.
4. Пропп В. Я. Морфология сказки. Л.: Academia, 1928. 152 с.
5. Мелетинский Е. М. О происхождении литературно-мифологических сюжетных архетипов // *Arbor Mundi* = Мировое древо. 1993. № 2. С. 9–62.
6. Неклюдов С. Ю. Мотив и текст // *Язык культуры: семантика и грамматика*. М., 2004. С. 236–247.
7. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика: учеб. пособие / вступ. статья Н. Д. Тамарченко; комм. С. Н. Бройтмана при участии Н. Д. Тамарченко. М.: Аспект Пресс, 1996. 334 с.
8. Хализев В. Е. Теория литературы: учебник. М.: Высш. шк., 2004. 405 с.
9. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества: сб. избр. тр. / сост. С. Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979. 424 с.
10. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. СПб.: Питер, 2017. 352 с.
11. Варламов А. Н. Душа моя Павел. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018. 381 с.
12. Солдаткина Я. В. Мифологема воды в современном русском «романе о взрослении» (А. Г. Архангельский «Бюро проверки», А. Н. Варламов «Душа моя Павел», Е. Г. Водолазкин «Брисбен») // *Наука и школа*. 2020. № 4. С. 11–17. DOI: <https://doi.org/10.31862/1819-463X-2020-4-11-17>.

## REFERENCES

1. Sadrieva A. N. Transformatsiia zapadnoevropeiskogo romana vospitaniia v kulturnom kontekste sovremennosti. *PhD dissertation (Cultural Studies)*. Ekaterinburg, 2007. 165 p.
2. Veselovsky A. N. *Istoricheskaiia poetika*. Ed., foreword and comm. by V. M. Zhirmunsky. Leningrad: Goslitizdat, 1940.
3. Freidenberg O. M. *Poetika syuzheta i zhanra*. Ed. by N. V. Braginskaya. Moscow: Labirint, 1997. 448 p.
4. Propp V. Ya. *Morfologiia skazki*. Leningrad: Academia, 1928. 152 p.
5. Meletinsky E. M. O proiskhozhdenii literaturno-mifologicheskikh syuzhetnykh arkhетipov. *Arbor Mundi* = *Mirovye drevo*. 1993, No. 2, pp. 9–62.
6. Nekliudov S. Yu. Motiv i tekst. *Yazyk kultury: semantika i grammatika*. Moscow: 2004, pp. 236–247.
7. Tomashevsky B. V. *Teoriia literatury. Poetika*: Textbook. Moscow: Aspekt Press, 1996. 334 p.
8. Khalizev V. E. *Teoriia literatury*: Textbook. Moscow: Vysshaya shkola. 2004. 405 p.
9. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva*. Selected Works. Comp. by S. G. Bocharov. Moscow: Iskusstvo, 1979. 424 p.
10. Campbell J. *Tysyacheliky geroi [The Hero with a Thousand Faces]*. St. Petersburg: Piter, 2017. 352 p. (In Russian)
11. Varlamov A. N. *My Soul Pavel*. Moscow: AST, ed. by Elena Shubina, 2018. 381 p.
12. Soldatkina Ya. V. Mythologem of Water in the Contemporary Russian “Coming of Age Novel” (A. G. Arkhangelsky “Check Office”, A. N. Varlamov “My Soul Paul”, E. G. Vodolazkin “Brisben”). *Nauka i shkola*. 2020, No. 4, pp. 11–17. DOI: <https://doi.org/10.31862/1819-463X-2020-4-11-17>.

---

**Матевосян Арман Араикович**, аспирант кафедры русской литературы XX–XXI веков Института филологии, Московский педагогический государственный университет  
**e-mail: ar.ar.matevosian@gmail.com**

**Matevosyan Arman A.**, PhD post-graduate student, Russian Literature of XX–XXI Centuries Department, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University  
**e-mail: ar.ar.matevosian@gmail.com**

*Статья поступила в редакцию 17.02.2023*  
*The article was received on 17.02.2023*